

Проводив Лин Си до дома и дождавшись, пока в его окне загорится свет, Лу Сяоянь вернулся в машину.

Его рука коснулась сиденья рядом, на котором еще оставалось тепло Лин Си. Вспомнив, как тот дурачился, он снова покачал головой и усмехнулся. По сравнению с прошлой жизнью, девятнадцатилетний Лин Си был гораздо более эмоциональным и открытым. Хотя он все еще был как улитка в своей раковине, по крайней мере, в этой раковине оставалось окно, ведущее во внешний мир.

Он не надеялся, что однажды сможет проникнуть в раковину Лин Си через это окно, но хотел стать достаточно сильным, чтобы каждый день стоять снаружи и защищать его от ветра и дождя.

Зазвонил телефон — это были его люди, которые ежедневно сообщали о результатах тайного наблюдения. Лу Сяоянь надел наушники, открыл ноутбук и начал просматривать переданные данные и фотографии.

После некоторого времени наблюдения жизнь мачехи Фан Яо казалась очень размеренной. Каждое утро она занималась бегом, завтракала с отцом, а утром часто приглашала учителей для занятий по аранжировке цветов, чайной церемонии или каллиграфии. В последнее время она увлеклась бальными танцами и даже предложила отцу участвовать в благотворительном танцевальном конкурсе. Днем она иногда встречалась с друзьями, чтобы пройтись по магазинам или выпить чаю, а также посещала скучные собрания светских дам.

Ее фотографии были однообразны: разные оттенки макияжа, наряды разных брендов, кокетливые позы в разных местах... Быстро пролистав несколько страниц, Лу Сяоянь прищурился и вернулся назад. Одна фотография, где Фан Яо смеялась с бывшей коллегой, привлекла его внимание. Это была одна из немногих коллег, с которыми Фан Яо поддерживала связь. Фотография была сделана, вероятно, в больнице, где она раньше работала. Сама фотография ничего особенного не представляла, но особенным был висевший на стене за ними портрет. На нем, помимо Фан Яо и ее коллеги, был изображен мужчина, лицо которого показалось Лу Сяояню знакомым.

Лу Сяоянь изо всех сил пытался вспомнить, и вдруг ему пришло в голову, что на его похоронах сестра Лу Сяои прямо обвинила мачеху:

— Не забывай, ты так и не объяснила свои отношения с тем молодым врачом!

Да, мужчина на фотографии был тем самым личным врачом, которого друзья порекомендовали отцу в последние годы прошлой жизни. Лу Сяоянь точно помнил, что Фан Яо и этот мужчина начали общаться только после того, как отец их познакомил. Теперь, имея фотографию в качестве доказательства, Лу Сяоянь хотел выяснить, какие отношения связывали Фан Яо и этого врача. Они явно знали друг друга много лет, почему же они притворялись, будто никогда не встречались? Здесь явно что-то не так...

Временно отложив подозрения относительно мачехи, Лу Сяоянь переключился на старшего брата. Его передвижения были настолько скрытными, что это казалось почти ненормальным. Кроме работы, встреч с друзьями и деловых ужинов, его почти невозможно было застать. Он был крайне осторожен, каждый раз, садясь в машину, специально петлял по оживленным улицам, как будто боялся, что за ним следят.

Благодаря информации и связям, накопленным в прошлой жизни, Лу Сяоянь нанял лучших специалистов в этой области, людей с огромным опытом и выдающимися способностями,

которые никогда не подводили. Невозможно было, чтобы старший брат их обнаружил. Так от кого же он скрывался?

Долго размышляя, Лу Сяоянь пришел к выводу, что у старшего брата была тайная любовница — возможно, знаменитость или замужняя женщина, чья личность должна была оставаться в секрете.

Доказательством этого был список покупок, который старший брат дал своему секретарю, включавший пару женских чулок, явно предназначенных для молодой женщины. А в тот же день в мусоре из кабинета старшего брата был найден ярлык от этих чулок. Возможно, старший брат подарил их в своем кабинете, а может, там же произошло что-то еще... Старший брат не был геем, он любил женщин и спал только с ними. Кем же была его тайная любовница, которая могла свободно входить в его кабинет, но при этом требовала такой строгой секретности?

Помимо мачехи и старшего брата, его люди также следили за Му Ся.

Как и ожидал Лу Сяоянь, Му Ся встретился с Чжоу Тин. Они провели несколько часов в чайной, которой управлял Чжоу Тин, и неизвестно, о чем говорили. Но, когда они вставали, чтобы уйти, Чжоу Тин прямо вручил Му Ся чек.

Свет от экрана падал на лицо Лу Сяояня, окрашивая его в синеватый оттенок, словно покрывая холодным инеем. Это было хорошо, ведь он специально хотел, чтобы Му Ся передал ложную информацию старшему брату и Чжоу Тин. Видя, как Чжоу Тин щедро расплачивается, он понял, что его усилия не прошли даром, и его актерская игра сработала.

Но даже так, в душе Лу Сяояня оставалось чувство тяжести. Ведь он уже однажды умер, и в этой жизни он мог предвидеть события и предотвращать их. Но никакие достижения в этой жизни не могли стереть следы глупости прошлой. Сколько раз он наткнулся на препятствия, ничего не добиваясь, и какую роль в этом сыграл Му Ся? Вспоминая, как он обнимал этого лицемера в постели и кричал «дорогой», Лу Сяоянь захлопнул ноутбук, сжал пальцы на переносице и закрыл глаза. В его душе бушевал огонь, мозг кипел, и если бы Му Ся появился перед ним в этот момент, он не мог бы гарантировать, что не совершит что-то ужасное.

Поддавшись внезапному порыву, Лу Сяоянь схватил телефон и позвонил Лин Си.

Услышав, как Лин Си с приятным голосом произнес «Алло», гнев, скопившийся в груди Лу Сяояня, мгновенно рассеялся. Он, не стесняясь, приказал:

— Та песня, что ты пел, кажется, была неплохой, спой еще раз!

Сейчас ему очень нужно было успокоение и поддержка от Лин Си, чтобы остыть и прийти в себя.

С другой стороны проводка Лин Си ненадолго замолчал, затем спокойно ответил:

— Выбери CD-3 в твоей аудиосистеме, трек 5, и нажми play...

Когда Лу Сяоянь вернулся домой к Линь Гуанлэ, Цай Шимо уже был там и принес с собой бутылку редкого вина.

Возможно, из-за того, что они были слишком близки, несмотря на свой возраст, эти мужчины вели себя как дети. Вино было открыто и налито в декантер, Линь Гуанлэ сначала сыграл с Цай

Шимо несколько партий в настольный футбол. Он проигрывал одну за другой, нервничал, снял пиджак и пытался обмануть, чтобы изменить ход игры. Но Цай Шимо сохранял хладнокровие, даже в игре сохраняя контроль. Линь Гуанлэ, доведенный до предела, бросил клюшку и начал шуточно толкаться с Цай Шимо.

Когда они наконец закончили, вино хорошо проветрилось, и они, вытерев пот со лбов, сели за барную стойку, чтобы попробовать вино и поговорить обо всем на свете. Что касается Дай Чжию, человека с крепостью в полстакана воды, он медленно потягивал черный кофе. Хотя он не понимал шуток, это не мешало ему смеяться.

В этот момент Лу Сяоянь с угрюмым лицом вошел в комнату и, не здороваясь, опустился на диван. Дай Чжию, который не мог избавиться от привычки заботиться о других, налил ему стакан вина и подал. Лу Сяоянь взял его и, не глядя, отхлебнул большой глоток. Это варварство заставило Цай Шимо содрогнуться.

Лу Сяоянь выглядел жестким и властным, но в глубине души он был человеком, которому не хватало безопасности. У него была привычка коллекционировать часы, и где бы он ни путешествовал, он всегда привозил несколько местных моделей, для которых даже выделил отдельную комнату. Эти часы он никогда не носил, и они не были ему особенно дороги, но ему нравилось чувство «полного контроля». К сожалению, Лин Си был живым человеком, которого нельзя было упаковать в витрину, держать перед глазами или даже свободно общаться с ним, что доставляло Лу Сяояню немало головной боли.

<http://bllate.org/book/16461/1493783>